

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ «ХАДЖИ-МУРАТА»

В. А. Дьяков

18 июля 1896 г. в дневнике Л. Н. Толстого появилась запись о том, как возник замысел повести о Хаджи-Мурате. Последние же поправки в ней относятся к декабрю 1904 года. Таким образом, работа над сравнительно небольшим по объему текстом продолжалась в общей сложности более 8 лет. Одновременно писатель трудился над «Воскресением», «Живым трупом» и другими произведениями. Собранные биографами сведения свидетельствуют, что важнейшая причина медленного написания «Хаджи-Мурата» объяснялась тем, что писатель считал необходимым ознакомиться со всеми доступными первоисточниками, чтобы с максимальной глубиной разобраться в фактической основе упоминаемых в повести исторических событий.

Собирая материалы, Толстой не ограничился общедоступной литературой о Кавказской войне и царствовании Николая I. Для начала он посетил крупного специалиста по истории военных действий на Кавказе А. Л. Зиссермана. Большая документальная публикация этого автора, посвященная Хаджи-Мурату («Русская старина», 1881, №№ 1—4), и его рассказы не смогли полностью удовлетворить Толстого, хотя в них содержались достоверные факты. Проверяя и дополняя их, вникая в каждую деталь, писатель счел нужным самостоятельно пересмотреть множество разного рода специальных изданий вроде «Кавказского сборника» или «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Знакомые, друзья и родные присылали в Ясную Поляну книги из Петербурга, Москвы, Тифлиса. По просьбе Толстого ему делали выписки из архивных документов. Настойчиво изучал писатель также личные впечатления очевидцев событий. В письме к одному из них — И. И. Карганову — он сформулировал следующее общее положение: «Когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности»¹. К матери И. И. Карганова и вдове бывшего военного начальника в Нухе подполковника Карганова — «уважаемой Анне Авессаломовне» — Толстой обратился с просьбой сообщить все известное ей о Хаджи-Мурате. В частности, ему хотелось знать, чьими были лошади, на которых тот хотел бежать, и хороши ли были эти лошади, и какой масти.

Толстой, как известно, являлся современником и очевидцем важнейших событий, описанных в «Хаджи-Мурате»: во время службы в 20-й артиллерийской бригаде он участвовал в боевых столкновениях, изображаемых на страницах повести, и жил в тех населенных пунктах, о которых в ней рассказывается. Несмотря на это, писатель не счел возможным положиться на свою осведомленность, а старался тщательно проверить буквально каждую деталь. Так, усомнившись в точности своих представлений о переходе Хаджи-Мурата к русским под крепостью Воздвиженской, он в марте 1903 г. просил своего тифлисского знакомого И. П. Накашидзе разъяснить какого-нибудь старого служаку из пехотных офицеров и выспросить у него: «1) Высылались ли из крепости секреты? 2) Если не высылались, то где стояли караульные часовые, ограждавшие крепость от внезапного нападения? 3) Каким образом принимали часовые приходящих лазутчиков и доставляли их начальству?» (т. 35, стр. 618—619).

Едва ли стоит доказывать, что Толстой прекрасно знал все, относящееся к дей-

¹ Цитируется по комментарию А. П. Сергеенко к повести «Хаджи-Мурат». См. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 35, стр. 614 (в дальнейшем ссылка на это издание — непосредственно в тексте).

ствиям секретов на Кавказе вообще; более того, он бывал в иных секретах и даже описал действия одного из них в «Казаках». Но в «Хаджи-Мурате» речь шла не о какой-то из кавказских крепостей, а конкретно о Воздвиженской, и ему хотелось подробно знать именно об этом месте. Таким образом, писатель не довольствовался общей достоверностью и личными впечатлениями, а добивался полного соответствия с фактами как целого, так и любой детали. Особенно упорно работал Толстой над той частью текста, где речь шла о Николае I и его ближайшем окружении. Личных впечатлений здесь вовсе не имелось. Число печатных источников оказалось очень ограниченным, а на пути к архивным материалам, касавшимся личности царя, вставали официальные преграды, которые не удавалось преодолеть, несмотря на все усилия. С. Н. Шульгин, делавший для «Хаджи-Мурата» архивные выписки в Тифлисе и посетивший в связи с этим Ясную Поляну, передает в своих воспоминаниях следующие слова Толстого: «Приходится окунуться с головой в эпоху Николая и пересмотреть большой материал — и печатный и рукописный. И все это, быть может, только для того, чтобы извлечь какие-нибудь две-три черты, которых читатель, пожалуй, и не заметит, а между тем они очень важны» (т. 35, стр. 622). Совсем незначительные детали из этой области заботили писателя настолько, что он говорил о них даже в бреду, во время тяжелой болезни (т. 35, стр. 613).

Материалы о царе, военном министре А. И. Чернышеве и кавказском наместнике М. С. Воронцове нужны были Толстому, с одной стороны, для воссоздания внешнего и внутреннего облика этих людей, а с другой — для того, чтобы максимально точно воспроизвести ту реальную обстановку, в которой принимались ими решения, относившиеся к Хаджи-Мурату. Именно поэтому он долго и настойчиво добивался получения выписок из камер-фурьерского журнала за последние дни 1851 и первые дни 1852 г.: ведь только из них можно было точно узнать, что происходило при дворе в то время. Писатель нуждался при этом в конкретных сведениях об определенном периоде, а не о типичном времяпрепровождении царя и его приближенных. Столь же упорными были его поиски резолюций и распоряжений царя «о Хаджи-Мурате и вообще о Кавказской войне во время наместничества Воронцова и в особенности 50, 51 и 52 годов» (т. 35, стр. 616).

Было бы небезынтересно составить точный перечень имеющихся и использованных в «Хаджи-Мурате» исторических источников с указанием, каким образом сведения из каждого из них претворились в художественную ткань повести. В данном очерке невозможно решить эту задачу в полном объеме. Ограничимся отдельными примерами, которые представляются важными и в совокупности характеризуют подход Толстого к проблеме соотношения фактов и вымысла в исторической беллетристике.

Значительную часть фактического материала о Хаджи-Мурате Толстой почерпнул из упомянутой выше публикации А. Л. Зиссермана. Публикация эта состоит из небольшого введения, дающего краткую биографическую справку о Хаджи-Мурате, трех писем кавказского наместника М. С. Воронцова в военное министерство о переходе к русским и последующей гибели виднейшего из мюридов Шамиля, записки прикомандированного к Хаджи-Мурату офицера М. Т. Лорис-Меликова (которая воспроизводит рассказы его подопечного) и, наконец, фрагмента воспоминаний М. Л. Ольшевского с приложением портрета Хаджи-Мурата, относящегося к 1851 г., а также описания его внешности. Почти все это было так или иначе использовано Толстым. Легче всего прослеживается форма использования писем наместника и записки Лорис-Меликова.

Первое из трех писем М. С. Воронцова, содержащее сообщение о прибытии Хаджи-Мурата в Тифлис и передающее содержание первых разговоров с ним, целиком воспроизведено в тексте повести (гл. XIV). Переписка царского наместника на Кавказе с военным министром носила полуофициальный характер и велась на французском языке. Толстой знал это, пытался получить оригиналы, но не смог, и ему пришлось довольствоваться публикацией Зиссермана, о чем в повести сделана соответствующая оговорка (т. 35, стр. 60). Перевод письма дается при этом без каких-либо изменений.

Во втором письме Воронцова, датированном 25 апреля 1852 г., описывается побег Хаджи-Мурата из Нухи и его гибель в бою с преследователями. Содержание письма

привлечено в нескольких местах повести. Текстуально очень близки к нему первые три абзаца гл. XXII (т. 35, стр. 99—100).

Третье письмо Воронцова было написано в августе 1852 года. В нем наместник давал оценку всех перипетий перехода Хаджи-Мурата к русским и как бы для подтверждения своей точки зрения прилагал его автобиографию в записи Лорис-Меликова. Письмо не цитируется в повести, но оно помогло Толстому создать образ изворотливого сановника. Что касается записки Лорис-Меликова, то основное содержание ее воспроизведено в гл. XI и XIII (т. 35, стр. 49—52, 58—59). У Толстого рассказ Хаджи-Мурата время от времени прерывается вопросами или репликами Лорис-Меликова, различного рода вставками (в том числе в гл. XII — о молитве Хаджи-Мурата и беседе Лорис-Меликова с нукерами). Если соединить в одно целое имеющиеся в повести фрагменты из рассказа Хаджи-Мурата о его прошлом, то получится текст, очень близкий к публикации Зиссермана не только по содержанию, но и по форме. Иногда опущены лишь второстепенные детали, которые по кусочкам вкраплены Толстым в другие места повести, прежде всего в разговоры гостей Воронцова перед приходом к нему Хаджи-Мурата (начало гл. IX).

В первой части рассказа Хаджи-Мурата (гл. XI) содержатся сведения о его детстве и отрочестве, родителей и воспитании в Хунзахе вместе с аварскими ханами, у которых мать Хаджи-Мурата была кормилицей. Кратко, но колоритно и в полном соответствии с записью Лорис-Меликова изложен конфликт аварского ханского дома с предшественником Шамиля имамом Гамзатом, сопровождавшийся кровавой резней с участием молодого Хаджи-Мурата. В архиве сохранилось большое дело «Об успехах Гамзат-бека в Нагорном Дагестане, об истреблении им аварского ханского дома и предпринятой против сего возмутителя экспедиции в дагестанские горы под командованием генерал-майора Ланского»². Документы этого дела подтверждают основные факты, приведенные в повести, и показывают, что освещаются они с точки зрения Хаджи-Мурата, ибо именно его рассказ послужил здесь основным, если не единственным источником для писателя.

Во второй части рассказа Хаджи-Мурата (гл. XIII) Толстой, придерживаясь в основном публикации Зиссермана, кое в чем расширяет ее. Дополнительные материалы взяты им прежде всего из статьи А. Юрова, скопированной для него. По этой статье, в частности, писатель воспроизвел переписку Хаджи-Мурата с генерал-майором Клюки-фон-Клюгенау (1840 год). В повести говорится, что два генеральских письма к нему Хаджи-Мурат показывает Лорис-Меликову. Эти письма с небольшими сокращениями включены в текст. И в первом и во втором случае Толстой берет наиболее содержательную часть письма, опуская или подвергая сокращению места малоинтересные или звучащие фальшиво. Так, в первом письме опущены слова: «Я слуга великого монарха, и он уважает мой голос; я твой защитник, повторяю, не бойся никого» и др. В начале второго письма изъята из текста следующая фраза: «Скажи же мне, ужели доверенность, которую я пользуюсь у горцев, ужели честь моя, которую я отдавал тебе в поруки, недостаточны?»³. Что касается ответных писем Хаджи-Мурата генералу Клюгенау, то в повести одно из них пересказывается им самим, причем очень близко к тексту из статьи Юрова. Второе письмо Хаджи-Мурата Толстой опустил, и, думается, вполне обоснованно. По форме оно маловыразительно, а содержание, несмотря на краткость текста, потребовало бы больших разъяснений.

Переписке с Клюки-фон-Клюгенау предшествовал эпизод, воочию показавший отвагу Хаджи-Мурата и его любовь к свободе. Злейший враг Хаджи-Мурата Ахмет-Хан, воспользовавшись отъездом Клюгенау в Тифлис, арестовал героя повести и отправил в Темир-Хан-Шуру под конвоем 40 солдат. «На дороге, близ Моксоха, где по узкой тропинке можно было идти только гуськом, связанный арестант внезапно бросился с кручи, увлек с собою одного из конвойных солдат, который убился, а сам со сломанной ногой кое-как дополз до ближайших овечьих загонov и с помощью пастухов спасся в ближайший аул, где после месячного лечения выздоровел». Так

² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6294, начато 19 марта 1834 г., окончено 2 января 1836 г., на 124 листах.

³ А. Юров. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. «Кавказский сборник». Т. X. Тифлис. 1886.

выглядит этот эпизод в написанной А. Л. Зиссерманом истории Кабардинского пехотного полка⁴. Приведенное описание вполне соответствует опубликованному в «Русской старине» рассказу Хаджи-Мурата. Обе эти работы были использованы писателем.

Л. Н. Толстой всячески старался познакомиться с оригиналами исторических источников, в особенности когда речь шла о переписке наместника с военным министром. Оригиналы писем сохранились⁵. Ознакомление с ними показывает, что Толстой мог бы почерпнуть из переписки гораздо больше сведений, необходимых для его повести, чем из публикации А. Л. Зиссермана. Во-первых, в переписке не три, а свыше десятка писем, в которых содержатся значительные фрагменты, посвященные Хаджи-Мурату или относящиеся к событиям, описанным в повести. Во-вторых, на некоторых письмах М. С. Воронцова имеются интересовавшие писателя резолюции царя или пометы о реакции Николая I на них. В-третьих, оригиналы почти всех писем написаны на французском языке, а переводы Зиссермана, хотя и были точными, не передавали аромата эпохи и не позволяли подчеркнуть некоторые особенности описываемой среды. Насколько оригиналы писем были полезны для Толстого, можно судить по следующим примерам.

Переписка М. С. Воронцова содержит многочисленные детали, относящиеся к предыстории перехода Хаджи-Мурата на сторону России. Вопрос о возможных последствиях его союзы с Шамилем оживленно обсуждался Николаем I и его приближенными с августа 1851 года. В октябре, возвращаясь из своего крымского имения в Тифлис, М. С. Воронцов вознамерился побывать в Дагестане, где шли бои. Этот план был одобрен царем и военным министром. В письме, датированном 1 ноября, А. И. Чернышев писал кавказскому наместнику: «Его величество поручил мне со всей определенностью засвидетельствовать Вам всю его благодарность. Действительно, Ваше прибытие на театр раздоров между Хаджи-Муратом и Шамилем должно самым положительным образом сказаться на тех преимуществах, которые мы можем извлечь из случившегося. Ввиду невозможности предусмотреть все обстоятельства, которые важны, чтобы привязать к нам Хаджи-Мурата, Ваше присутствие на месте действия в настоящий момент является лучшей гарантией того, что любой благоприятный шанс будет использован без потери времени и с присущими Вам тактом и решительностью. Если Хаджи-Мурат не откажется от своего намерения перейти на нашу сторону и если Вы сочтете возможным оказать ему поощрение и поддержку, то это событие должно привести к самым важным результатам, так как Хаджи-Мурат — человек действия, и он обратит против Шамиля свое влияние и смелость, которые до сих пор служили лишь его опасному честолюбию. Император с большим интересом ждет, дорогой князь, Ваших первых сообщений по этому поводу»⁶.

К письму М. С. Воронцова военному министру, помеченному 4 ноября, приложена копия полученного им донесения о результатах встречи русского лазутчика Сеида с Хаджи-Муратом. Донесение подробно воспроизводит рассказ Хаджи-Мурата о его столкновениях с Шамилем, говорит о неустойчивом перемирии, которое наступило после нескольких неудачных попыток Шамиля захватить силой оружия опального наиба. Вот наиболее важное место донесения: «Хаджи-Мурат говорил Сеиду, что он думал о том, чтобы выйти из Аварии к русским, но частью не мог на это решиться потому, что знает, как он против нас провинился, и не мог надеяться быть принятым, частью же и в особенности потому, что находит подобное скрытное переселение для него весьма затруднительным, потому что он не один, а имеет нескольких жен, мать и четырех дочерей, а сверх того все свое хозяйство, которое он бросить не может. Но вместе с тем он уверял Сеида, что он очень жалеет о всех услугах, сделанных им Шамилю..., и что желает быть полезным русским. А потому если Шамиль не дозволит ему переселиться в Чечню, где Хаджи-Мурат надеется быть полезным для русских, то он непременно вновь сделает тревогу в Аварии, поймав на ноги все, что может, и тогда же даст о том знать в Темир-Хан-Шуру»⁷.

⁴ А. Л. Зиссерман. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1721—1880). Т. II. СПб. 1881, стр. 179.

⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 19741 а; ф. ВУА, д. 6630.

⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 19741 а, л. 160. Документы на французском языке приводятся здесь и далее в переводе Е. М. Заблудовской.

⁷ Там же, лл. 166—167 (оригинал на русск. яз.).

Препровождая донесение в Петербург, М. С. Воронцов заверил, что оно дает «подробности столь точные и из столь надежного источника, как если бы их диктовал сам Хаджи-Мурат». Из донесения, писал Воронцов, «Вы увидите, что примирение между Шамилем и его лучшим наибо́м не является ни искренним, ни прочным; каков бы ни был ход дела, для нас продолжает оставаться выгодным то ложное положение, в каком находится по отношению к нашему главному врагу самый влиятельный и предприимчивый человек в Дагестане». К этому месту письма относится резолюция царя: «Очень важно, ежели всему верить можно». Рядом с резолюцией — помета А. И. Чернышева о том, что слова эти начертаны «собственною его величества рукою» и что произошло это в Царском Селе 16 ноября 1851 года⁸. Прочитанное письмо было написано М. С. Воронцовым в Червленной. До этого он протбыл 3 дня в укреплении Воздвиженском у своего сына Семена, флигель-адъютанта и полковника, назначенного незадолго до того командиром Куринского полка. «Я был весьма рад, — сообщал наместник Николаю I и его военному министру, — видеть в Воздвиженском, что Симон очень быстро и полностью получил свой полк, который генерал Меллер передал в полном порядке»⁹. Эти детали немаловажны, ибо, приняв окончательное решение, Хаджи-Мурат направился не куда-либо, а именно в Воздвиженскую и пожелал вверить свою судьбу только Семену Воронцову.

Следующее письмо М. С. Воронцова к А. И. Чернышеву датировано 30 ноября и имеет помету адресата: «Должено его величеству 15 декабря 1851 года». По-видимому, к этому письму относятся проводимые в статье В. А. Потто и использованные Толстым слова Николая I: «Слава богу, важное начало!»¹⁰. Письмо не вошло ни в публикацию А. Л. Зиссермана в «Русской старине», ни в другие известные Толстому издания. А в нем описывается переход Хаджи-Мурата к русским, причем приводятся такие подробности, которые так или иначе пригодились бы писателю. Вот перевод этого письма: «Я не знаю, дорогой князь, дошла ли уже до Вас кратчайшим путем новость о неожиданном появлении Хаджи-Мурата в Воздвиженском. Я сам не имею еще никаких официальных известий от Козловского. Однако письмом, отправленным во Владикавказ с нарочным, а оттуда эстафетой, мой сын сообщает мне следующее. Утром 23 ноября, получив от Хаджи-Мурата уведомление, что тот находится в окрестностях и хочет отправиться в Воздвиженское, он вышел ему навстречу с двумя ротами и, спросив предварительно разрешение у генерала Меллера, нашел Хаджи-Мурата в указанном месте и доставил его без каких-либо приключений в Воздвиженское. Хаджи-Мурат, не евший ничего 30 часов, был весьма рад позавтракать вместе с Симоном и его женой. Симон не особенно входит в подробности, но кажется, что Хаджи-Мурат направлялся в Ведено, склоняясь на просьбы и обещания Шамиля, но по дороге убедился, что ему уготовлена расправа, и решил, воспользовавшись советами и содействием одного своего родственника в Малой Чечне, ввериться нам. Хаджи-Мурат сказал, что беспокоится за свою семью, оставшуюся в Аварии. Если бы он вовремя дал им знать о своем решении и если бы он оставил с семьей надежных людей, то она имела бы время перебраться в Сулак, а затем отправиться в Темир-Хан-Шуру, где князь Аргутинский принял бы ее очень хорошо, не опасаясь мести и недоброжелательства, которые они могли бы встретить со стороны владетеля Шамхальского и его семьи.

Так как было бы плохо и совершенно бесполезно оставлять Хаджи-Мурата на Кавказской линии, я тотчас же послал полковника Агаева к генералам Завадовскому и Козловскому с приказом доставить Хаджи-Мурата сюда. Симон пишет мне, что генерал Меллер пока отправляет его в Грозную. Само собой разумеется, что здесь, в Тифлисе, я приму его хорошо и в соответствии с теми пожеланиями, которые Вы сообразовали мне написать от имени его императорского величества. Я скажу ему, что государь император прощает его, и дам ему приличное содержание. Далее все будет зависеть от нашего августейшего повелителя решить судьбу Хаджи-Мурата в зависимости от пользы, которую мы сможем из этого извлечь, и от услуг, которые он сможет нам оказать. В общем для нас было бы, конечно, более выгодно, если бы

⁸ Там же, л. 162.

⁹ Там же, л. 163.

¹⁰ В. А. Потто. Гаджи Мурат. Биографический очерк. «Военный сборник», 1870, № 11, стр. 178.

Хаджи-Мурат смог дольше продержаться в Дагестане как враг Шамиля; но как только это оказалось невозможным, для нас самым лучшим стало то, что его вражда с Шамилем теперь уже непримирима и он сдался нам. Шамиль потерял в нем самого активного и храброго из своих наибов, и все эти обстоятельства могут быть для него в Дагестане только неблагоприятными. Разумеется, я немедленно представляю Вам донесение обо всем, что узнаю официально»¹¹.

Из многочисленных деталей, имеющих в приведенном письме, отметим прежде всего дату перехода Хаджи-Мурата к русским: 23 ноября 1851 года. У Толстого эта дата фигурирует, но не там, где говорится о главном герое повести, а в цитате из донесения о перестрелке двух рот Куринского полка с немирными горцами, двигавшимися к Воздвиженской вслед за Хаджи-Муратом и его нукерами (гл. VII). Достоинством внимания упоминание генерала Меллера-Закомельского как непосредственного начальника Семена Воронцова, от которого последний должен был получить разрешение на сколько-нибудь существенные самостоятельные действия. Это место может показаться противоречащим содержанию повести, в которой вокруг конфликта между названными лицами Толстой завязывает один из интереснейших узлов сюжета. Но если вдуматься в слова Воронцова-старшего, как бы ненароком попавшие в его письмо к военному министру, то станет очевидным, что они подтверждают, а не опровергают наличие указанного конфликта. Не без оснований, ожидая жалоб Меллера на самоуправство своего сына, наместник спешил парировать их заявлением о том, что тот действовал в данном случае не без согласия начальства.

Впрочем, полное подтверждение версии Толстого дают другие источники, в частности письма М. С. Воронцова к А. И. Барятинскому. В письме от 3 января 1852 г. говорилось, например, следующее: «Сообщите мне, пожалуйста, что-нибудь о [Хаджи-] Мурате; говорят, он весьма обрадован, встретив в Грозной недавно вышедшего к нам с несколькими семействами чеченского старшину... Судя по письму генерала Козловского к начальнику штаба, дело между Меллером и Семеном наружно как бы уладилось; но этого недостаточно; надеюсь, что Семен будет благодарен, извинится как следует, и тогда все будет хорошо»¹². Письмо же от 5 марта 1852 г. не только без обиняков подтверждает, что Меллер сделал С. М. Воронцову выговор за самовольный выход навстречу Хаджи-Мурату, но и указывает на настороженное отношение последнего к Меллеру «после обстоятельства, случившегося с Семеном по прибытии его в Воздвиженскую»¹³. Оба эти и ряд других писем М. С. Воронцова, а также ответные послания А. И. Барятинского, опубликованные А. Л. Зиссерманом, были использованы Толстым в повести.

Для характеристики малосимпатичного Толстому высшего слоя офицерства царской армии в повесть введена любовная интрига между А. И. Барятинским и женой С. М. Воронцова. Прямого упоминания о ней в письменных источниках обнаружить не удалось. Но ведь речь идет о таких вещах, которые, как правило, не вверяют бумаге. Что касается вероятности интриги, то ее в достаточной мере подтверждают и великосветское прошлое Воронцовой и прочно сложившаяся репутация А. И. Барятинского. Биограф будущего фельдмаршала, восхваляя его военные таланты, смелость и умение влиять на людей, писал: «К этому следует еще прибавить счастливую наружность, производящую немалое обаяние, большое состояние, дававшее возможность быть щедрым, связи и покровительство высоких сфер, создававшие в нем крепкую веру в свою счастливую звезду. Занимательный собеседник, анекдотист, поклонник прекрасного пола и хорошего вина..., он был грозен в делах службы»¹⁴.

Вернемся к той переписке царского наместника на Кавказе с Петербургом, которую Толстой настойчиво разыскивал, но так и не смог обнаружить. После письма М. С. Воронцова к военному министру от 30 ноября 1851 г. с первым известием о переходе Хаджи-Мурата последовало письмо от 10 декабря, в котором рассказывалось о его прибытии в Тифлис. Наместник писал А. И. Чернышеву: «Спешу сообщить Вам,

¹¹ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 19741 а, лл. 178—179.

¹² Цит. по: А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский, 1815—1879. Т. I. М. 1888, стр. 135.

¹³ Там же, стр. 205.

¹⁴ А. Л. Зиссерман. История 80-го пехотного... Т. III, стр. 59—60.

дорогой князь, что Хаджи-Мурат прибыл сюда позавчера и что вчера он явился ко мне. В его внешности нет ничего замечательного, но глаза выражают решительность и ум; он покрыт ранами и хромает вследствие одной из них; но все это несколько не умаляет его физических возможностей. Он чрезвычайно признателен за прием, оказанный ему в Воздвиженской и Грозной, с жаром говорил о своих справедливых обидах на Шамиля... По его словам, он надеется с пользою нам служить, но справедливо говорит, что не сможет это сделать, пока его семья находится в руках врага. Своим высказыванием он опередил меня, ибо и я ему сказал бы то же самое: я не могу быть достаточно в нем уверенным и пользоваться его услугами до тех пор, пока в руках у Шамиля находятся столь драгоценные заложники, как мать, две жены и пятеро детей¹⁵. Генерал Козловский и князь Аргутинский изыскивают способы обмена. Я думаю, что это будет трудным делом, хотя у нас имеется в настоящее время некоторое число пленных, которых можно обменять. Хаджи-Мурат, однако, на это надеется. Позже мы поговорим с ним более подробно, так как вчера я мог уделить ему очень мало времени»¹⁶.

Первые дни пребывания Хаджи-Мурата в Тифлисе описаны в повести довольно подробно (гл. IX, X). Не имея возможности получить текст процитированного письма наместника, Толстой располагал, однако, большим количеством других достоверных источников. В их числе могут быть названы упоминавшиеся выше работы А. Л. Зиссермана, а также его воспоминания, во втором томе которых есть фактический материал о Хаджи-Мурате¹⁷. Наиболее полно и красочно описан данный период в основанной на архивных источниках статье В. А. Потто. В ней рассказывается, что Хаджи-Мурат приехал в Тифлис 8 декабря 1851 г. и на другой день прибыл к наместнику, который принял его в своем кабинете. В их разговоре существенное место занимал вопрос о захваченных Шамилем родственниках Хаджи-Мурата. «Забота о семье, — пишет Потто, — повергла его даже в нервную лихорадку. Он начал тосковать, отказывался от пищи, по целым дням молился богу и искал уединения». Однако постепенно все пришло в норму, и Хаджи-Мурат стал совершать верховые прогулки, «что было необходимо после долгой его привычки быть постоянно на коне... Он появлялся даже на балах наместника»¹⁸.

В статье Потто есть и описание внешности Хаджи-Мурата, более детальное, чем в письме М. С. Воронцова. По словам историка, Хаджи-Мурат был человеком «среднего роста, с густой, подстриженной и выкрашенной по восточному обычаю бородой, с пронзительным взглядом исподлобья... Ходил он медленно и как бы перекачиваясь, потому что обе ноги его были переломлены»¹⁹. Наиболее детальное описание внешности Хаджи-Мурата вместе с прекрасным портретом, изготовленным в Тифлисе в 1851 г., включено в публикацию А. Л. Зиссермана («Русская старина», 1881, т. XXX, стр. 678—679). Именно этим источником главным образом Толстой и пользовался.

Очередное письмо М. С. Воронцова к А. И. Чернышеву, датированное 20 декабря 1851 г., полностью приведено у Толстого в переводе А. Л. Зиссермана (гл. XIV). Точно передавая содержание письма, последний не воспроизвел имеющуюся на оригинале пометку военного министра: «Государь император изволил читать 4-го января»²⁰. Этот недосмотр Зиссермана ввел Толстого в заблуждение, и он, убежденный, что источники не содержат точной даты получения письма в Петербурге, вынужден был прибегнуть к вымыслу, приурочив все к первому дню 1852 г. (гл. XV). Вообще же текст повести свидетельствует о чрезвычайно бережном отношении писателя к зафиксированным в источниках точным датам. Все они (в том числе день перехода Хаджи-Мурата к русским, время его прибытия в Тифлис и другие существенные даты) называются в повести безошибочно. Но проверить даты писателю удавалось не всегда, и это привело его к нескольким неточностям. Так, описывая события 23 ноября

¹⁵ У Хаджи-Мурата было четыре дочери, о которых упоминалось выше, и один сын, фигурирующий в повести.

¹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 19741 а, л. 185.

¹⁷ А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Ч. II. СПб. 1879, стр. 89—96.

¹⁸ В. А. Потто. Указ. соч., стр. 181.

¹⁹ Там же.

²⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6630, л. 1.

1851 г. в укреплении Воздвиженском, Толстой упоминает об оживленном разговоре офицеров относительно недавней смерти генерала В. И. Слепцова, хотя погиб тот фактически только 10 декабря²¹. Более существенна допущенная в повести неточность в датировке гибели Хаджи-Мурата, но об этом — ниже.

Между 20 декабря 1851 г. и 25 апреля 1852 г. (даты второго и третьего писем, опубликованных А. Л. Зиссерманом) М. С. Воронцов послал военному министру еще несколько сообщений о событиях, которые затем были описаны в повести. Одно сообщение касается январского похода А. И. Барятинского в Большую Чечню (гл. XVI—XVII, XXI). Письмо, датированное 12 января 1852 г., очень пригодилось бы Толстому. В нем говорится о той мелочной и нечистой игре личных интересов, которой в придворных кругах и «высшем обществе» сопровождалась кровопролитная и разорительная война на Кавказе. Вот часть этого письма: «Направляя к Вам, дорогой князь, капитана Циммермана с донесением князя Барятинского о блестящем подвиге, которым наши храбрые войска начали боевые действия в Большой Чечне, я ничего не могу добавить к простому и правдивому рассказу об этом продвижении, столь же мудро согласованном во всех своих деталях, сколь доблестно и счастливо исполненном... Рано или поздно, но судьба Большой Чечни будет теперь решена. Что же касается поведения войск, в особенности полков Вашего и моего²², то оно выше всяких похвал»²³. Одновременно наместник отправил военному министру написанное уже по-русски официальное донесение «О первоначальных блистательных и полезных действиях Чеченского отряда, исполнившего столь смелое и удачное движение в самую глубь Большой Чечни, и о занятии и истреблении им сильных аулов Автура и Гелдигена»²⁴. К донесению приложена копия журнала боевых действий отряда, в котором наряду с неизбежным перечнем батальонов, эскадронов, батарей и маршрутов их движения есть немало подробностей, изложенных А. И. Барятинским. Журнал позволяет убедиться в том, что созданная Л. Н. Толстым картина боев не только в целом, но и во всех основных деталях соответствует действительности²⁵. Рядом с копией журнала боевых действий в том же деле находится собственноручная записка А. И. Чернышева, предназначенная для Николая I и датированная 23 января 1852 г., с резолюцией царя: «Кн. Барятинского в генерал-лейтенанты, а об ф[лигель]-а[дъютанте] п[олковнике] кн. Воронцове собрать думу. Хорошее дело...»²⁶.

Архивное дело о военных действиях Чеченского отряда в 1852—1853 гг., в котором хранятся эти документы, не побывало в руках Толстого. Между тем ему очень важно было показать, насколько различным было отношение к войне простых людей (русских солдат, горцев) и тех, кто пользовался неограниченной властью над ними. Резкое противопоставление «верхов» «низам» проходит через всю повесть, и прежде всего через главы, посвященные походу Барятинского в Большую Чечню. Личные воспоминания, рассказы знакомых, имевшаяся литература позволили Толстому ярко и правдиво показать то огромное зло, которое несла война. Журнал боевых действий и другие архивные источники подтверждают созданную писателем картину событий. Если бы эти источники были доступны писателю, то нарисованная им в повести картина могла бы быть еще более правдивой и впечатляющей.

Вернемся к источникам, использованным Толстым для создания образа главного героя повести. Хаджи-Мурат, пробив несколько дней в Тифлисе, добился разрешения отправиться под усиленным конвоем в Грозную, ибо там он надеялся ускорить освобождение своей семьи. Это описано у В. А. Потто и в биографии А. И. Барятинского. Последняя работа послужила одним из основных источников для соответствующей части повести (гл. XVIII, XX). Наибольшую ценность в ней представляет обильно цитируемая Зиссерманом переписка М. С. Воронцова с А. И. Барятинским. 4 января 1852 г. наместник сообщал Барятинскому о Хаджи-Мурате, что намерения

²¹ См. В. А. Потто. Указ. соч., стр. 183; А. А. Янжул. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады, 1806—1886. Т. II. Тифлис. 1887, стр. 90 сл.

²² Шефом Кабардинского полка в то время был А. И. Чернышев, шефом Куринского — М. С. Воронцов.

²³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6630, лл. 27—28.

²⁴ Там же, д. 6632, лл. 1—2.

²⁵ Там же, лл. 4—9.

²⁶ Там же, л. 12.

пленника переменились и необходимо, чтобы за ним постоянно велось тщательное наблюдение с помощью 20—30 казаков, назначенных для почетного конвоя. Наместник приказал не пускать Хаджи-Мурата в Воздвиженскую, опасаясь, что именно там он легче всего сможет осуществить свои «коварные планы». А. И. Барятинский, назначенный командующим левым флангом кавказских войск, прибыл 31 декабря 1851 г. в Грозную. Через несколько дней, как бы предвосхищая опасения наместника, он писал ему: «Хаджи-Мурат мне кажется спокойным, и я не вижу с его стороны ничего дурного; но он производит большое влияние на окружающих его и... может легко воспользоваться своим обаянием». Готовясь к отъезду из Грозной по случаю предстоящей экспедиции в Большую Чечню, А. И. Барятинский высказал пожелание о переводе Хаджи-Мурата в другое место²⁷.

Пожелание это осуществилось 15 января. В письме к М. С. Воронцову под указанной датой А. И. Барятинский, уже вернувшийся в Грозную, писал: «К моему великому облегчению, Хаджи Мурат уехал отсюда»²⁸. В Тифлис Хаджи-Мурат прибыл 21 января, а на следующий день имел аудиенцию у наместника и высказал ему свои соображения относительно недавнего похода в Большую Чечню. Этот и другие разговоры, по-видимому, развеяли подозрения наместника, ибо в письме к А. И. Барятинскому от 27 января он заявил о Хаджи-Мурате: «Теперь я лучшего мнения о нем, чем раньше, и я убежден, что его намерения относительно настоящего и будущего вполне хорошие»²⁹. М. С. Воронцов напоминал А. И. Барятинскому о необходимости учесть всех пленных, которых можно использовать для обмена на семью Хаджи-Мурата. С той же целью он предполагал израсходовать некоторую сумму денег (2—3 тыс. руб.). В Грозную Хаджи-Мурата сопровождал М. Т. Лорис-Меликов, будущий министр внутренних дел и фактический диктатор в последние годы царствования Александра II. Он же, по-видимому, ездил с Хаджи-Муратом в аул Таш-Кичу (февраль 1852 года). Во время состоявшихся ранее коротких поездок на Лезгинскую линию и в Червленную с ним был подполковник Тарханов. По возвращении в Тифлис Хаджи-Мурат снова оказался под присмотром Лорис-Меликова.

В повести не описывается отдельно каждая поездка, не называются их даты и все населенные пункты, где побывал Хаджи-Мурат. Тем не менее создается достаточно точное представление о целях этих поездок и той обстановке, в которой они происходили (гл. XX, отчасти XXII). Из событий, относящихся к этому периоду, в повести довольно подробно описано нападение на Хаджи-Мурата в Таш-Кичу. Источники сохранили несколько вариантов освещения указанного эпизода. Причину нападения В. А. Потто усматривает в раздорах между противниками и сторонниками Шамиля среди так называемых «мирных» горцев. «В Таш-Кичу, например, — писал он, — князья перестали ходить в мечеть, когда Хаджи-Мурат молился в ней, говоря, что, будучи магометанами, они не намерены поддерживать мюридизм в том смысле, в каком понимает Шамиль. Народ же, напротив, приглашал Хаджи-Мурата постоянно молиться вместе с собою и этим раздражал князей»³⁰. Когда Хаджи-Мурат в последний раз возвратился в Тифлис, наместник заявил, что не видит больше шансов на спасение его семьи, находившейся в плену у Шамиля. Хаджи-Мурат ответил, что он тоже утратил всякую надежду. Утомленный и расстроенный, он попросил разрешения поселиться в Нухе, чтобы «провести некоторое время в исполнении своих религиозных обрядов»³¹. Наместник и начальник войск в Северном Дагестане генерал Аргутинский дали согласие. Надзор за Хаджи-Муратом был поручен начальнику Нухинского округа подполковнику Карганову. Сопровождал пленника вместо заболевшего Лорис-Меликова капитан Бучкиев.

Тут мы подошли к трагическому финалу повести — неудавшемуся побегу Хаджи-Мурата в горы (гл. XXII—XXIII, XXIV). Это событие описывается во многих известных Толстому источниках, начиная с публикации А. Л. Зиссермана в «Русской старине». Там, воспроизводя последнее из трех писем Воронцова, Зиссерман в примечании к одной из фраз дал перечень вещей, обнаруженных у убитого Хаджи-Мурата.

²⁷ А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. Т. I, стр. 138.

²⁸ Там же, стр. 163.

²⁹ Там же, стр. 165.

³⁰ В. А. Потто. Указ. соч., стр. 184.

³¹ Там же.

В его бешмете было найдено 600—700 полуимпериалов. Их Хаджи-Мурат скопил за 4 с лишним месяца из той суммы, которая выдавалась ему по приказу Воронцова («кажется, по 5 полуимпериалов в день»). Эти сведения использованы Толстым для создания небольшой, но яркой сцены столкновения Хаджи-Мурата со статским советником Кирилловым, привезшим деньги из Тифлиса (гл. XII). Здесь факты удачно сочетаются с вымыслом писателя и органически входят в сюжетную ткань повести. Получение денег, конфликт с чиновником и последовавший затем ночной визит лазутчиков, принесших печальные известия о семье, накаляют атмосферу. Все это явилось последними каплями, переполнившими чашу терпения Хаджи-Мурата и заставившими его решиться на побег.

Последующее описывалось в литературе неоднократно. На основании разнообразных источников, включая официальные донесения М. С. Воронцова в Петербург, о побеге Хаджи-Мурата подробно рассказывается в статье В. А. Потто. Здесь приводится точная дата побега (в повести она в одном месте приурочена к 8 апреля — дню приезда Кириллова, а в другом перенесена на 25 апреля, что также не соответствует действительности) и воспроизведены некоторые подробности, либо отсутствующие в повести, либо расходящиеся с ее текстом. Упоминания об отдельных не использованных в повести деталях побега Хаджи-Мурата можно найти в письме М. С. Воронцова военному министру от 25 апреля 1852 г., которое было опубликовано А. Л. Зиссерманом в томе «Русской старины», хорошо известном Толстому. Знакомство с оригиналом письма позволяет установить, что Николай I знал о его содержании. Об этом свидетельствует сохранившаяся на первой странице письма пометка: «Государь император изволил читать. Потсдам, 13 [25] мая 1852 г. Генерал-адъютант граф Адлерберг»³².

Аналогичная пометка («Доложено его величеству. Варшава. 16 мая 1852 г.») имеется на письме М. С. Воронцова к А. И. Чернышеву, датированном 1 мая. Это письмо, не появлявшееся до сих пор в печати, дополняет и уточняет опубликованное в «Русской старине» письмо от 25 апреля. Текст таков: «Посылаю Вам сегодня, дорогой князь, уточнения по поводу катастрофы с Хаджи-Муратом... На месте, которое Хаджи-Мурат в своем отчаянии выбрал для защиты, убили его двух товарищей. Двум другим вначале удалось спрятаться, но их преследовала милиция. Они были схвачены живыми и приведены в Нуху, где назначена комиссия для военного суда над ними. Материалы суда, возможно, дадут нам некоторые сведения о том, что происходило в последние дни в душе Хаджи-Мурата и о его намерениях. Я имел честь сообщить Вам, что я ждал также его людей и багаж из Грозной; может быть, они также позволят нам что-либо узнать... Посылаю Вам одновременно маленький бюллетень об этом событии, который я нахожу полезным опубликовать»³³.

Это письмо М. С. Воронцова не могло быть известно Толстому. Но другое его послание, адресованное А. И. Барятинскому и написанное накануне, было знакомо писателю, ибо оно приведено А. Л. Зиссерманом в биографии Барятинского. Описание смерти Хаджи-Мурата здесь дано краткое, но тональность примерно та же: «Он умер храбрцом. С четырьмя пулями в теле, шатаясь, он с одним из своих людей бросился с шашкой в руке вперед и был изрублен шашками и кинжалами... Посылаю вам два оттиска печатей, найденных на его трупе»³⁴. Рассказ о гибели Хаджи-Мурата у В. А. Потто и в приведенных письмах М. С. Воронцова несколько расходится с текстом повести. Из этого следует, что основным источником для Толстого в данном случае послужили сочинения А. Л. Зиссермана. В его воспоминаниях, например, дается картина, очень близкая к повести. Там есть и полузатопленное рисовое поле, и местный житель, видевший, как через него перебирались беглецы, и даже клочки ваты, которыми раненые пользовались, чтобы остановить кровь. У Зиссермана воспроизведена и резолюция Николая I на донесении о гибели Хаджи-Мурата, написанная в Потсдаме 13 [25] мая 1852 г.: «Хорошо, что так кончилось. Вот новое доказательство, как следует доверять этим кровавым разбойникам! Но надобно отдать справедливость распорядительности местного начальства и усердию туземных милиций». Полный верноподданнических чувств, Зиссерман поспешил присоединиться к высказываниям царя³⁵. В повести со-

³² ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 6630, л. 71.

³³ Там же, лл. 77—78.

³⁴ А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал... Т. I, стр. 212.

³⁵ А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. II, стр. 95—96.

бытия описываются по-иному. Толстой мотивирует поступки Хаджи-Мурата не «религиозным фанатизмом» и «хищничеством», как Зиссерман, а благородными, человеческими чувствами — заботой о судьбе родных и неспособностью сидеть сложа руки, когда им угрожает опасность.

Повесть Толстого — это художественная биография Хаджи-Мурата. Естественно, что основные усилия писатель сосредоточил на изучении материала именно о нем. Свидетельство было много, но нужны были факты, соответствующие действительности. О Николае I, зловещая фигура которого возвышалась несколько в отдалении, но, несмотря на это, должна была играть в повести весьма существенную роль, материалов было еще больше, чем о Хаджи-Мурате. Однако почти все они содержали совсем не то, что интересовало писателя. Затруднения, с которыми Толстой встретился здесь, отражены в одном из его писем, датированном 26 января 1903 года. «Я пишу, — говорится в письме, — не биографию Николая, по несколько сцен из его жизни мне нужны в моей повести «Хаджи-Мурат». А так как я люблю писать только то, что я хорошо понимаю, *avant*, так сказать, *les coudées franches* [со свободными руками], то мне надо совершенно, насколько могу, овладеть ключом к его характеру. Вот для чего я собираю и читаю все, что относится до его жизни и характера»³⁶. Как показывает проведенный специалистами текстологический анализ, ко времени с июня 1903 г. по февраль 1904 г. относится ряд переделок текста повести, причем больше всего внимания писатель уделял тем обстоятельствам, которые были связаны с царем. Несколько раз Толстой принимался за дополнительные фрагменты и в конце концов решил оставить Николая I только в гл. XV. Ключ к раскрытию характера царя писатель нашел в фактах, относящихся главным образом не к Хаджи-Мурату, а к другим лицам, судьба которых решалась в те годы. Непреодолимые препятствия помешали писателю сделать то, о чем он мечтал³⁷.

Стремление Толстого максимально приблизить сюжетную канву повести к действительным событиям проявилось не только в изображении главного героя и других наиболее значительных действующих лиц. Писатель хотел быть верным истории и во второстепенных деталях. Вот несколько примеров. Гл. XXI начинается с описания жизни в одной из передовых крепостей Чеченской линии крепости Грозной в конце 1851 — начале 1852 года. Толстой был лично знаком с ее жизнью и все-таки очень внимательно ознакомился с теми описаниями, которые имелись в исторических трудах и мемуарной литературе. Живой конкретный материал, относившийся к указанному периоду, он нашел, в частности, в работах А. Л. Зиссермана. В одной из них есть рассказ о проходах А. И. Барятинского из Кабардинского полка и о «гостевании» в этом полку куриновцев, прибывших в Грозную перед началом экспедиции в Большую Чечню. Прощание А. И. Барятинского с полком, говорится у А. Л. Зиссермана, «носило характер гомерического кутежа»³⁸.

Что касается взаимоотношений Кабардинского и Куриновского полков, то их Зиссерман описывает так: «Между этими двумя полками издавна установилась особого рода дружба... По... вкоренившемуся обычаю, три батальона куриновцев встречают подходящих к Воздвиженской три батальона кабардинцев и принимают их к себе на правах гостей: солдаты в казармы соответствующих рот, офицеры в квартиры их же офицеров»³⁹. В гл. II повести помещено хорошо легшее в текст и очень толстовское по смыслу описание существовавшего в те времена артельного ведения хозяйства в ротах Кавказской армии. Почти в тех же словах рассказывается об этом у А. Л. Зиссермана: «Рота была самостоятельная хозяйка, сама распоряжалась своими капиталами, покупала, расходовала, контролировала своих выборных, была, одним словом, такой замечательной общиной, какой нигде в других войсках, да и в русской армии не встречалось»⁴⁰.

³⁶ Цит. по: Н. Н. Апостолов. Лев Толстой над страницами истории. М. 1928, стр. 280—281.

³⁷ Интересные соображения по этому вопросу высказаны недавно польским литературоведом Б. Бялокозовичем (B. Białokozowicz. Lwa Tolstoja związek z Polską. Warszawa. 1966, str. 90).

³⁸ А. Л. Зиссерман. История 80-го пехотного Кабардинского... полка. Т. II, стр. 66—67.

³⁹ Там же, стр. 68—69.

⁴⁰ Там же, стр. 69—70.

Хаджи-Мурат (гл. I) посылает записку своим родным в аул Гехи. Проверяем по публикации А. Л. Зиссермана («Русская старина»):⁴¹ действительно, родные находились в этом ауле. В гл. III упоминается ротный командир Куринского полка Полторацкий. Источники показывают, что это реально существовавшее лицо, офицер, который оставил интересные воспоминания о службе на Кавказе, хорошо известные Толстому. Реальными лицами были также доктор Андреевский, княгиня М. Орбелиани, генерал Козловский и многие другие. Все они изображены такими, какими были.

В гл. XXIV среди офицеров упомянут «известный храбрец Богданович». Действительно, с 1848 г. в Кабардинском полку служил поручик Н. В. Богданович. Со своей командой волонтеров, созданной для вылазок в горы, он проявлял «чудеса храбрости, расторопности и партизанской удалости»⁴¹. В первых вариантах текста нукеры Хаджи-Мурата действовали под вымышленными именами. Но, узнав подлинные, Толстой сразу же произвел замену. На полях источника сохранились пометки писателя: «Гамзало и Элдар убиты, Хан-Магом и Ханефи — бежали» (т. 35, стр. 619).

Большую часть того, о чем говорилось выше, можно назвать источниковедческой базой повести «Хаджи-Мурат». Оценивая ее с профессиональной точки зрения, любой историк должен будет сказать, что она очень добротна. Толстой познакомился со всеми важнейшими публикациями и исследованиями по теме (биографы подсчитали, что им непосредственно использовано в повести около 40 крупных изданий)⁴². П. Палиевский, разбирая «Хаджи-Мурата» с позиций теоретического литературоведения, справедливо отмечает, что работа над повестью «напоминала историю научного открытия»⁴³. Архивные материалы оказались доступны для Толстого лишь отчасти. Однако ими воспользовался довольно широко. В. В. Стасов, например, прислал ему копии документов, связанных с придворной жизнью. С. С. Эсадзе скопировал для писателя 151 документ из архива военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа. Источников, изученных Толстым, пожалуй, хватило бы для подготовки научной монографии о Хаджи-Мурате, соответствующей тогдашнему уровню науки. В этом смысле требовательность писателя к себе просто поразительна. После нескольких лет работы над повестью и многих сменявших друг друга вариантов текста он 6 мая 1903 г. писал М. А. Оболенской: «Пересматривал Хаджи-Мурата. Не хочется оставить со всеми промахами, а заниматься им на краю гроба, особенно когда в голове более подходящие к этому положению мысли, — трудно. Буду делать от себя потихоньку». Скромное «от себя потихоньку» выразилось в ряде запросов к родным и знакомым, в новых партиях книг. По свидетельству Е. С. Денисенко, племянницы писателя, в ходе четвертой отделки гл. XV Толстой получал «транспорты за транспортом книг; один раз получил такую большую посылку, что даже расставил книги вокруг себя по полу» (т. 35, стр. 620). Потом последовала еще не одна отделка, прежде чем Толстой решился передать главу специально изучавшему николаевскую эпоху А. Ф. Кони с просьбой дать критические замечания о соответствии текста историческим реалиям. Этот квалифицированный рецензент сделал всего два замечания, причем от одного из них после проверки сам же отказался (т. 35, стр. 627).

По ее жанру повесть «Хаджи-Мурат» можно отнести к исторической беллетристике. Первоначально писатель не исключал полумемуарного варианта. Это оставило небольшой след в прологе повести, где сообщается, что будет рассказана «одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел, часть слышал от очевидцев, а часть вообразил себе». Но опубликованный вариант уже совершенно лишен мемуарного элемента. Он может служить образцом исторической беллетристики не только по источникам фактического материала, но и по тону повествования, для которого характерен отказ от постоянного авторского «соприсутствия», хорошо знакомого нам по повести «Казачьи». Даже эпопея «Война и мир» выглядит рядом с «Хаджи-Муратом» не более насыщенной чисто историческим материалом и не более богатой действующими лицами, взятыми из истории. Именно это дает основание рассматривать повесть как

⁴¹ А. Л. Зиссерман. История 80-го пехотного... полка. Т. III, стр. 47, 64.

⁴² Л. Мышковская. Как Толстой работал над историческими произведениями. (К истории создания «Хаджи-Мурата»). «Октябрь». 1928, №№ 6, 8; А. П. Сергеев. Комментарий к повести «Хаджи-Мурат» (Л. Н. Толстой). Полное собрание сочинений. Т. 35, стр. 631—633.

⁴³ П. Палиевский. О художественном произведении. «Вопросы литературы», 1965, № 2, стр. 140.

произведение, в котором взгляды Толстого на историческую беллетристику отразились едва ли не в самом полном виде.

Ознакомление с текстом «Хаджи-Мурата» и историей создания повести не оставляет сомнения в том, что, работая над художественными произведениями об историческом прошлом, Толстой прежде всего стремился к максимальному его соответствию исторической действительности, причем не только в целом, а во всех доступных для проверки деталях. Изучая большое количество литературы и архивных источников, писатель именно на их основе создавал для себя представление о героях произведения, о тех условиях, в которых они жили, и о тех событиях, в которых они участвовали. На этой стадии работы главную роль играли исторические факты, а не творческое воображение писателя. Далее шел длительный и трудный процесс отбора фактов, дающих ключ к пониманию характеров и раскрытию внутренних пружин в поведении действующих лиц в тех или иных ситуациях. Конечно, правом и обязанностью писателя по отношению к реальным деятелям истории Толстой считал создание психологических, а не только или не столько исторических характеристик. Выше уже цитировалось высказывание писателя о том, что, перерывая горы книг, он не искал материалы для описания истории царствования Николая I, а хотел овладеть ключом к раскрытию его характера. Переписка Толстого свидетельствует, что это не случайная формулировка, но глубоко продуманный и неуклонно осуществлявшийся принцип художественного творчества. Получив от В. В. Стасова документальное подтверждение того, что Николай I лично разработал процедуру казни декабристов задолго до вынесения приговора, Толстой писал: «Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня» (т. 17, стр. 490).

Однако, отыскивая в исторической действительности «психологические ключи» к поведению героев, Толстой пользовался ими осторожно и отнюдь не в ущерб фактам. Когда речь шла о реальном лице, он старался брать исключительно факты, зафиксированные в имеющихся источниках. Далее сортировал материал, как бы разбивая источники на отдельные составные части, и умело использовал каждую из них там, где находил это нужным. Но он не прибегал к авторскому художественному вымыслу до тех пор, пока не терял надежду, что необходимые ему детали могут быть найдены в источниках. Если речь шла о сколько-нибудь известных исторических событиях и если изображалось реальное лицо, сыгравшее в этих событиях определенную роль, писатель прилагал все усилия к тому, чтобы даты, названия населенных пунктов и прочее полностью совпадали с действительностью. Естественно, у Толстого нет ссылок на источники. Но там, где назван документ и поставлены кавычки, читатель может быть твердо уверен, что цитируется существующий в действительности исторический текст, а не идет воспроизведение его средствами творческой фантазии художника. Выше наряду с многочисленными источниками, использованными Толстым, были названы некоторые архивные материалы, которые выпали из поля зрения писателя. Однако они не меняют ни основных характеристик главных героев, ни общего облика тех событий, которые описаны в «Хаджи-Мурате». Хотя для измерения глубины знакомства писателя с исторической действительностью и не может быть установленных эталонов, думается, что в данном случае глубина эта вполне достаточна.

Опыт «Хаджи-Мурата» показывает, что приемы введения исторических источников в художественное произведение могут быть самыми разнообразными. Кое-что наиболее важное и интересное Толстой берет целиком, причем это вовсе не загромождает текста. Другие пространные источники воспроизводятся им в чуть стилизованном пересказе и разбиваются на куски, отделенные друг от друга авторскими вставками. Одни резолюции царя воспроизводятся в качестве цитаты и пространно «обгрываются» теми или иными способами, другие раскавычиваются и вкрапливаются в размышления Николая I и в его разговоры с придворными. Из двух имевшихся в литературе версий происхождения Хаджи-Мурата выбирается и вводится в повесть одна, более близкая мировоззрению писателя⁴⁴. Многочисленные пространные диалоги, в том числе пустая, казалось бы, светская болтовня в салонах наместника и его сына, оказываются

⁴⁴ Б. С. Виноградов. Кавказ в творчестве Л. Н. Толстого. Грозный. 1959, стр. 219.

при внимательном рассмотрении точным по смыслу и очень емким воспроизведением сведений из подлинных исторических источников и специальной литературы.

Сказанное, однако, не означает, что Толстой отверг право писателя на художественный вымысел. Первая область, в которой он признавал и осуществлял это право, уже названа: для исторических событий и реальных деятелей — все то, что соответствует содержанию источников, но прямо в них не зафиксировано (конкретные действия отдельных лиц, психологическая мотивировка поступков и т. д.). Другая, гораздо более обширная область — мир вымышленных героев. Их облик и действия обусловлены общей верностью действительности. Но они не обязаны делать только то, что было, а входят в более свободные рамки того, что могло бы быть. Горец Садо с семьей, солдат Петруха Авдеев и его родные, майор Петров, его сожительница Марья Дмитриевна — эти и многие другие персонажи, созданные воображением писателя, живут в «Хаджи-Мурате» такой же полнокровной жизнью, как и реально существовавшие герои повести. Установлено, например, что прообразом Бутлера послужил офицер Куринского полка Ф. Ф. Кутлер. Изменив одну букву в фамилии, Толстой четко отделил его от реально существовавших офицеров того же ранга, например, от В. А. Полторацкого или М. Т. Лорис-Меликова.

В своей работе Толстой четко соблюдал границу между художественным вымыслом и исторической действительностью, хотя перед читателями его повести как реальные, так и выдуманные герои предстают одинаково живыми и достоверными. Думается, что написанные по иному рецепту произведения исторической беллетристики могут быть лишены познавательной ценности, которую они непременно должны иметь, и, кроме того, не смогут приблизиться к тому уровню художественной выразительности, которого Л. Н. Толстой достиг в «Хаджи-Мурате», причем достиг не только благодаря своей писательской одаренности, но и вследствие прекрасного знания источников и бережного отношения к историческим фактам.
